
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 343.9.018.3
ББК 67.511

А.В. Ростокинский
*доктор юридических наук, доцент,
Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Российская Федерация*

СТРАТЕГИЯ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящей статье анализируются некоторые последствия милитаризации правоохранительной деятельности в современной России. Реализация концепции «усиления борьбы» с преступностью, «силового подавления» ее наиболее опасных проявлений, «возмездия» и т.п. фактически приводит к противоположным результатам, т.е. к массовому нарушению прав и свобод граждан, распространению в деятельности полиции неформальных насильственных практик, а также росту безнаказанности должностной преступности сотрудников. Автором особо выделяются пытки, незаконные задержания, необоснованное длительное содержание под стражей, введение (сохранение ранее введенных) необоснованных ограничений и запретов, включая процессуальные ограничения, несоразмерное использование силы и при охране порядка, и при задержании подозреваемых в совершении преступлений, служащие, как правило, целям подавления, устрашения и мести как самим потерпевшим, так и их ближайшему окружению, сочувствующим им лицам. В частности, пытки практикуются с целью быстрого получения признания, вымогательства, а также как месть за неповиновение, отказ сотрудничать. На основании данных статистики и специальных докладов о состоянии законности в деятельности российских спецслужб автором делается вывод о том, что названные приемы, при их фактическом санкционировании контрольными и надзорными органами, служат целям терроризирования населения со стороны представителей власти. Отмечается тенденция расширения, массовости подобной практики в России в первые десятилетия XXI в., что характеризует фактическое введение элементов чрезвычайных режимов пресечения преступности в неправовых формах.

Ключевые слова: преступность; борьба с преступностью; противодействие преступности.

A.V. Rostokinskij
*Doctor of Law, Associated Professor,
Moscow City Teacher Training University,
Moscow, Russian Federation*

STRATEGY OF CRIME FIGHTING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract

The article studies consequences of law-enforcement activity militarization in Russia. The realization of crime fighting «intensification» concept, its most dangerous manifestations' «violent suppression», «revenge» in practice leads to quite the opposite results, i.e. mass human rights and freedoms violation, expansion of informal violent practices in Police activity and official crimes impunity. The author especially mentions tortures, illegal detention, unjustified long detention, unjustified restrictions and prohibitions (including procedural restrictions, inadequate use of force when law-enforcement and detention of suspects – that are used generally in order to threaten or avenge the complainants, their families and fellows. In particular, the tortures are used in order to get the confession, avenge the disobedience, refusal to cooperate and also in terms of extortion. Basing on the statistics and special reports on legality situation in Russian special service activity, the

author comes to conclusion that the abovementioned measures, being actually approved by control and regulatory authorities, are aimed at people's terrorization by public authorities. The author also mentions this practice application expansion trend in Russia in 1st decades of XXI Century, which represents the real introduction of crime prevention emergency elements in nonlegal form.

Key words: crime; crime prevention; crime counteraction.

В современном обществе главная опасность преступности состоит не в преступлениях, а в том, что борьба с преступностью может столкнуть общество на тоталитарный путь развития.

Н. Кристи

На фоне все новых сообщений о ликвидации при задержании членов очередной банд-группы в России и репортажей об успехах сепаратистского ополчения в соседнем государстве как-то забывается вопрос о соотношении целей и методов правоохранительной деятельности как обеспечения общей безопасности. Ради общей безопасности в соответствии с правовым законом ограничиваются личные свободы и интересы отдельных лиц и целых коллективов, в том числе когда дело касается пресечения (предотвращения) аварий, проступков и преступлений, иных чрезвычайных и вредоносных происшествий.

В принципе, война тоже является таким происшествием, но при всей своей чрезвычайности носит длящийся характер, тогда как проступки и преступления совершаются в любом обществе и в любых условиях с печальным постоянством. Противодействие им, как пишет А.И. Долгова, не соответствует военным действиям, «...в подлинной войне противника стремятся уничтожить любыми средствами... подавить его атаку либо сопротивление. ...В борьбе с преступностью эта аналогия чревата незаконным принуждением, расправой с преступниками на месте преступления или задержания и другими весьма общественно опасными последствиями» [8, с. 380]. Кроме того, воевать можно только с кем-то равным по силе и уровню организации, странно сравнивать силы государства и преступников, пусть и условно объединяемых в некий «террористический интернационал» или в локальные вооруженные формирования. Другое решение допускает признание факта ведения гражданской войны на отдельных территориях России в каких-то латентных формах [9; 10].

Проявлениями соответствующей активности со стороны представителей официальной

власти на индивидуальном, микрогрупповом и локальном уровнях выступают различные приемы устрашения и силового подавления, несоразмерного применения силы при действиях в особых условиях, например при задержании вооруженных преступников, устранении последствий аварий и катастроф, пресечении групповых нарушений законодательства о митингах, шествиях и пикетированиях, а равно использования пыток и несоразмерных ограничений прав и свобод граждан в связи с производством по уголовным делам и материалам иных проверок.

Защита полицией прав и свобод граждан, общей безопасности, государственных интересов заключается в изобличении и предании суду преступников, в профилактике преступлений, в том числе путем пресечения административных проступков и деятельности коррупционных «крыш» организованной преступности, тогда как подавление выражается в мести, устрашении и служит мщению или получению неких тактических преимуществ: запугивание правонарушителей или потенциальных нарушителей и их ближайшего окружения, реже – сочувствующих лиц, нейтрализация возможно противодействия в будущем.

Например, если за весь 2010 год, по сообщениям МВД России, при оказании сопротивления были уничтожены 87 предположительно членов незаконных вооруженных формирований (задержано за тот же период 107), то уже за пять первых месяцев 2011 г. было убито свыше 200 подозреваемых только на Северном Кавказе (задержано 180), за первые четыре месяца 2012 г. – 139 (161), за первые три месяца 2013 г. – 73 (88), шестеро явились с повинной. Такое соотношение убитых и задержанных может означать провал оперативной работы, поскольку задержать вооруженных преступников можно, не расстреливая из танков жилые пятиэтажки и не блокируя половину города, а дождавшись выхода подозреваемых либо применив иные спецсредства. Вполне вероятной представляется и версия устрашения потенциальных сообщников и сочувствующих лиц, демонстрация силы, неограниченной власти, мести и т.п.

В этом смысле превентивные задержания гражданских активистов накануне массовых протестных мероприятий, массовые задержания их участников без предъявления каких-либо обвинений и составления протоколов (на которые в установленном порядке могут быть поданы жалобы), блокирование участков местности, перекрытие улиц бронетехникой и специальным транспортом имеют во многом сходные черты: меры безопасности применяются в противоречии с их назначением.

Например, в апреле 2014 г. «несколько человек на Манежной площади вытянули руки в таком положении, как будто в руках у них находится плакат. Отсутствие реального транспаранта не смутило полицию, которая всех задержала». Задержанных посадили в автозак, как у нас принято, но потом в отделении отпустили [1]. Закон не нарушался, никаких неудобств окружающим задержанные не причиняли, никакие беспорядки таким образом спровоцировать не могли. Фактически со стороны полиции имеет место превышение крайней необходимости с той лишь разницей, что вред, причиняемый каждому отдельному субъекту, не является значительным либо не признается таковым судами и органами прокуратуры.

Иная ситуация возникает, когда задержание какого-либо лица (транспортного средства, товара, документов и пр.) применяется как устрашающая и обременительная мера без достаточных оснований, когда признаки правонарушения отсутствуют, личность человека установлена, доступны иные способы обеспечения его явки (предоставление им необходимых вещей и документов) в правоохранительный орган или суд для участия в процессуальных или административных мероприятиях. Наибольший вред правам и свободам граждан причиняют незаконные задержания и аресты, часто используемые для оказания давления на подозреваемых и обвиняемых без достаточных доказательств, с целью принуждения к признанию вины, предоставлению доказательств или самооговору. Так, в Ростовском СИЗО гр-н Серенко два года ожидал приговора за якобы совершенное им убийство семьи спецназовца. При этом обвинение строилось на данных экспертизы идентификации пыжей гладкоствольного ружья (!) и показаниях проститутки, видевшей среди ночи «кого-то похожего» на обвиняемого неподалеку от места преступления [12]. Множатся иски к России в Европейский Суд по правам человека о компенсациях за

незаконное содержание под стражей, пыточные условия, утрату здоровья и работоспособности, а «дома» уголовные дела по ст. 301 УК РФ впрокру пересчитывать по пальцам. Знаковым примером в этой области стало дело Магнитского, названное так по имени юриста, работавшего на американский инвестиционный фонд и умершего в СИЗО № 6 г. Москвы в ноябре 2009 г. Эта история вызвала широкий общественный резонанс и стала причиной расследования Московской общественной наблюдательной комиссией, наложения международных санкций на ряд российских должностных лиц. Журналист З. Светова подробно описала это расследование в своей книге «Признать невиновного виновным», опубликованной во Франции в 2012 г.

Быть задержанным даже за мелкое правонарушение в России означает почти наверняка оказаться в условиях, определяемых как применение пытки. К такому выводу недавно пришли члены Краснодарской региональной общественной наблюдательной комиссии по результатам проверок местных СИЗО и ИВС. В камерах нет света и окон, вентиляции, канализации и простынь. Как решать проблему, никто не знает, даже в только что построенных полицейских участках пыточные условия содержания оказались заложены в проекте [3].

По-прежнему при производстве дознания даже в отношении административных нарушителей широко практикуются пытки, связанные с физическим воздействием: избиение, содержание в холодных помещениях и антисанитарных условиях, а также принудительные позы, включая подвешивание, бросание, растягивание, выкручивание рук и т.п., значительно реже – применение электротока, погружение в воду, прижигание и иные пытки с использованием кипятка и горячих (раскаленных) предметов. Кроме того, респонденты упоминали угрозы оружием, тюрьмой, физическим и сексуальным насилием. Данная проблема широко обсуждалась в обществе еще в начале 2000-х гг., в том числе после нескольких громких дел о жестоком обращении со стороны полицейских, вызвавших интерес у журналистов. Тогда же в примечание к ст. 117 УК РФ было включено определение пытки, а при активном участии Я.И. Гилинского проведено межрегиональное исследование распространения пыток в России (2004–2006 гг.) [7].

С тех пор ситуация не улучшилась – практика применения пыток в России стала обыч-

ным, рутинным явлением. К такому выводу пришли, в частности, авторы доклада Правозащитного центра «Мемориал» «Пытки в Чечне: «стабилизация» кошмара» [13] (ноябрь 2006 г.) и доклада французской ассоциации АСАТ (Ассоциация христиан против пыток) «Пытки в разных лицах» (2012–2014 гг.). В последнем отмечается, что пытки в России носят системный характер и применяются в отношении как арестованных, так и подозреваемых на всех этапах судебных дел, начиная с задержания полицией и заканчивая тюремным заключением. Они практикуются с целью быстрого получения признания, чтобы правоохранительные органы показали хорошие статистические результаты, а также как месть за неповиновение, нежелание сотрудничать, с целью вымогательства. Особая глава посвящена ситуации в Чечне. Правозащитники отмечают, что уровень безнаказанности в этой республике «поражает и создает впечатление, что там законы вовсе не работают» [15]. Данные тенденции недавно признал и Уполномоченный по правам человека РФ [5]. В самом деле, привлечение к ответственности сотрудника полиции, виновного в применении пыток, в России является редчайшим исключением. Так, несмотря на очевидность многочисленного применения пыток в России, количество зарегистрированных фактов принуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ) и лиц, выявленных в совершении этого преступления, смехотворно мало: 2001 г. – соответственно 19 и 3; 2002 г. – 18 и 4; 2003 г. – 2 и 0; 2004 г. – 4 и 0; 2005 г. – 7 и 2; 2006 г. – 4 и 6; 2007 г. – 5 и 2; 2008 г. – 3 и 1; 2009 г. – 9 и 3. Например, в результате пыток электрическим током в одном из ОВД Оренбургской области в январе 2009 г. А. Ждан перенес инсульт и стал инвалидом. По сообщению пресс-службы межрегионального Комитета против пыток, их юристы обжаловали с десятков незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по факту пыток. Дважды суд удовлетворял иски о компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями сотрудников Следственного комитета. Руководитель отдела, в производстве которого находился материал проверок, по заявлению А. Ждана, игнорировал решения суда. Только спустя пять лет уголовное дело было возбуждено [11].

Когда С. Милуков, Д. Корецкий и некоторые другие теоретики требуют ужесточения

наказаний и даже обосновывают возможность применения чрезвычайных мер подавления преступности [2; 8, с. 90–96], эти предложения встречают живой отклик практиков-правоприменителей подчас высокого ранга. «Пусть бросают в меня камни «гуманисты», – читаем в мемуарах бывшего министра внутренних дел Татарстана, – но мое глубокое внутреннее убеждение: забрав чужую жизнь, преступник должен расплачиваться своей» [14]. Форма расплаты не уточнялась, но последующая практика подчиненных генерала из ОП «Дальний», до смерти замучивших подозреваемого в мелкой краже Назарова, а также их коллег из ОП «Эсперанто», «Танкодром» и др. позволяла предполагать именно талион и, как правило, без вынесения обвинительного приговора. Как следствие, в 2013 г. 66 % жителей крупных городов России – а именно там сосредоточено активное население – ожидали от полиции незаконных действий в свой адрес. Для страны в целом такие показатели ниже – 51 % [6]. Вероятно, там, где полиции больше и где граждане сталкиваются с ней чаще, где они лучше информированы, там они ощущают меньше безопасности.

Принимая во внимание изложенное, отметим, что отличить карательную операцию от контртеррористической или от иных насильственных действий полиции или военных несложно с учетом целей и достигаемых результатов проводимых мероприятий, соответствия размеров вреда, причиняемого правам и охраняемым законом интересам граждан, размерам и характеру предотвращаемого вреда. Несоразмерное причинение вреда, в том числе вследствие неадекватного применения силы, например уничтожения подозреваемых при их сопротивлении, массовых задержаний участников мирных митингов и демонстраций, применения пыток, введения (сохранения ранее введенных) необоснованных ограничений и запретов, включая процессуальные ограничения, обеспечивающие производство по делу, препятствуют достижению декларируемых законом целей правоохранительной деятельности государства.

В целом расширение использования запретов, разрешений, милитаризации правоохранительной деятельности и насильственных практик за последние годы характеризует неформальное, вне конституционных процедур и ограничений, введение чрезвычайного режима охраны порядка и силового подавления преступности.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воденников Д. Пустота в руках [Электронный ресурс] / Д. Воденников. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/comments/column/vodennikov/s63353/5986769.shtm>.
2. Корецкий Д. Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью / Д. Корецкий, С. Милуков // Уголовное право. – 2004. – № 1.
3. Кошик А. «Для чего им простынь – чтоб повесились?» Стать правонарушителем и избежать пыток почти невозможно, выяснили краснодарские правозащитники [Электронный ресурс] / А. Кошик. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/social/2014/03/20/5958337.shtml>.
4. Криминология : учебник для вузов / под ред. А.И. Долговой. – 3-е изд. – М., 2007.
5. Лукин В.П. [Интервью Интерфакс] [Электронный ресурс] / В.П. Лукин. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2014/02/20/lukin>.
6. Материал исследования «Евробарометра» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/siloviki/247055-kak-reformirovat-rossiiskuyu-politsiyu>.
7. Социология насилия: произвол правоохранительных органов глазами граждан. – Н. Новгород, 2007.
8. Старков О.В. Криминология / О.В. Старков. – М., 2004.
9. Режим доступа: <http://kavkazpress.ru/archives/33670>.
10. Режим доступа: <http://kavkazpress.ru/archives/33695>.
11. Режим доступа: <http://svpressa.ru/accidents/news/84321>.
12. Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/social/2013/09/12/5650569.shtml>.
13. Режим доступа: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/n-caucas/doc11/index.htm>.
14. Режим доступа: <http://www.mk.ru/social/2012/03/22/684598-glava-mvd-tatarstana-schitaet-cto-prestupnikov-mozhno-muchit.html>.
15. Режим доступа: <http://www.russian.rfi.fr/rossiya/20131114-frantsuzskie-pravozashchitniki-pytki-v-rossii-nosyat-povsemestnyi-kharakter>.

REFERENCES

1. Vodennikov D. Emptiness in hands. [Vodennikov D. Pustota v rukah]. Available at: <http://www.gazeta.ru/comments/column/vodennikov/s63353/5986769.shtm>.
2. Koreckij D., Miljukov S. Out-of-court repression as legal way of crime counteraction. [Koreckij D., Miljukov S. Vnesudebnaja repressija kak zakonnyj sposob bor'by s prestupnost'ju]. *Ugolovnoe pravo – Criminal law*, 2004, no. 1.
3. Koshik A. «Why do they need a bedsheets – to hang themselves?» Krasnodar human rights lawyers discovered that it is impossible to become a law violator and escape tortures. [Koshik A. «Dlja chego im prostyn' – chtob povesisilis'?» Stat' pravonarushitelem i izbezhat' pytok pochti nevozmozhno, vyjasnili krasnodarskie pravozashchitniki]. Available at: <http://www.gazeta.ru/social/2014/03/20/5958337.shtml>.
4. Criminology: educational book. Edited by A.I. Dolgova. [Kriminologija : uchebnik dlja vuzov / pod red. A.I. Dolgovo, 3-e izd.]. Moscow, 2007.
5. Lukin V.P.: Interfax interview. [Lukin V.P.: interv'ju Interfaks]. <http://lenta.ru/news/2014/02/20/lukin>.
6. «Eurobarometer» research materials. [Material issledovaniya «Evrobarometra»]. Available at: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/siloviki/247055-kak-reformirovat-rossiiskuyu-politsiyu>.
7. Safarov A.V. Kazan phenomenon decline. [Safarov A.V. Zakat kazanskogo fenomena]. Available at: <http://www.mk.ru/social/2012/03/22/684598-glava-mvd-tatarstana-schitaet-cto-prestupnikov-mozhno-muchit.html>.
8. Violence sociology: law enforcement agencies' abuse of power as viewed by citizens. [Sociologija nasilija: proizvol pravoohranitel'nyh organov glazami grazhdan]. Nizhny Novgorod, 2007.
9. Starkov O.V. Criminopenology. [Starkov O.V. Kriminopenologija]. Moscow, 2004.
10. Available at: <http://kavkazpress.ru/archives/33670>.
11. Available at: <http://kavkazpress.ru/archives/33695>.
12. Available at: <http://svpressa.ru/accidents/news/84321/>.
13. Available at: <http://www.gazeta.ru/social/2013/09/12/5650569.shtml>.
14. Available at: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/n-caucas/doc11/index.htm>.
15. Available at: <http://www.russian.rfi.fr/rossiya/20131114-frantsuzskie-pravozashchitniki-pytki-v-rossii-nosyat-povsemestnyi-kharakter>.

Сведения об авторе

Ростокинский Александр Владимирович – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: arostokinskiy@yandex.ru.

Information about author

Rostokinskij Aleksandr Vladimirovich – Chair of Criminal and legal sciences Associated Professor, Moscow City Teacher Training University, Doctor of Law, Associated Professor, Moscow, Russian Federation; e-mail: arostokinskiy@yandex.ru.